

Предполагаемая тема моей диссертации – «Книга Евгения Баратынского «Сумерки» в жанровом контексте Золотого века». В своей работе я постараюсь показать, что жанровая оптика может быть исключительно продуктивной при интерпретации поздней лирики Баратынского. Книга стихов «Сумерки» никогда специально не рассматривалась с этой точки зрения. Между тем, трудно назвать жанр, явных следов которого нельзя было бы найти в этом сборнике. Элегия, эпиграмма, мадригал, антологическая лирика, послание во множестве разновидностей, песня — застольная и «народная», посвящение, баллада, идиллия, ода etc. — все эти жанры участвуют в формировании поэтики «Сумерек».

В книге представлен широчайший спектр возможных соотношений индивидуального высказывания с жанровой традицией. Некоторые тексты не просто обращены к ней, а прямо принадлежат к определённым жанрам. Иногда это можно подтвердить историей их публикаций (е. г. «Мудрецу» было напечатано в разделе антологической лирики). Едва ли можно совершить ошибку и при классификации стихотворения «Алкивиад», написанного элегическим дистихом и древнегреческого по тематике.

Но в других случаях всё обстоит далеко не столь однозначно. Таково, например, стихотворение «Приметы», которое на первый взгляд является образцом внежанровой лирики. Здесь, казалось бы, невозможно пойти дальше весьма точного, но бессмысленного с точки зрения жанровых дефиниций определения «*философская миниатюра*» — однако это впечатление ошибочно. «Приметы» обнаруживают явственную связь с балладой, рождаясь из её распада подобно тому, как «философские миниатюры» Тютчева возникают из обломков оды. Связь эта видна на самых разных уровнях структуры текста: стиховом, за счёт семантического ореола трёхсложника, образном, поскольку изображённые в произведении картины отсылают к европейскому и/или русскому Средневековью, и аксиологическом — потому что мир, в котором «природа обретает язык для человека», — это не историческое Средневековье, но волшебный и удалённый космос баллады. Другой пример сложного соотношения текста с традицией даёт стихотворение «Бокал». Само его название указывает на принадлежность к жанру застольной песни, представленной в русской поэзии множеством питейных ёмкостей: от державинской «Кружки» до «Заздравного кубка» Пушкина. Державин называет свою кружку «дщерью великого ковша», которому бокал Баратынского, по-видимому, приходится внуком. Характерны для застольной песни и избранный Баратынским размер — четырёхстопный хорей, и куплетная форма произведения. Единственная устойчивая черта песенной композиции, которая отсутствует в «Бокале» — тосты-рефрены, и

это неслучайное, значимое отсутствие. Дело в том, что герой Баратынского пьёт в одиночестве. Из всех метаморфоз, которые такое изменение канонической ситуации вносит в структуру жанра, удаление тостов кажется наименее заметной. Диапазон переживаний, открывающихся «свободным», «не сжатым» «разногласной толпой» «снам» поэта, не вмещается в коллективный мажор обыкновенной застольной песни. В стихотворении начинают звучать то меланхолия унылой элегии («Сердцу милые преданья / Благодатно оживи, / Или прошлые страданья / Мне на память призови...»), то одический пафос библейского стиля («Не в людском шуму, пророк, / В немотствующей пустыне / Обретает свет высок...»).

Число примеров, подобных приведённым, легко умножить. Наиболее интересны сложные случаи («Осень», «Последний поэт», «На что вы, дни...» и др.), корректная характеристика которых невозможна, пока не написана работа. Они слишком неоднозначны, чтобы касаться их «пропедевтически», но в целом можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с явлением «жанровой полифонии». Элементы, которые восходят к различным жанрам, иначе звучат в новом контексте, но при этом сохраняют память о своём происхождении.

Реализация моего замысла требует масштабной историко-литературной работы. Составить представление о жанровом мышлении Баратынского и – шире – поэтов Золотого века тем труднее, что даже в эпоху нормативных поэтик система жанров не была *только* способом классификации текстов. Так, крупнейшие исследователи литературы XVIII века предлагают противоположные дефиниции хрестоматийных стихотворений («Письмо о пользе стекла...» Ломоносова). Дело здесь, по-видимому, в том, что жанру далеко не всегда можно дать универсально работающее определение – ведь способ, которым осуществляется включение произведения в жанровую традицию, всегда конкретен. Его описание в каждом индивидуальном случае оказывается не столько теоретической проблемой, сколько историко-герменевтической практикой, которая должна опираться на предельно широкий круг поэтических контекстов и металитературных суждений. Именно такой подход, я надеюсь, позволит вписать стихотворения «Сумерек» в жанровую картину Золотого века.